

Вадим Петровский

НАЧАЛА МУЛЬТИСУБЪЕКТНОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Аннотация. В статье представлены основания авторской концепции мультисубъектной персонологии. Персонология представлена как наука о личности как субъекте. Говорится о методе отраженной личности и феномене мультисубъектности.

Ключевые слова: персонология, субъект, мультисубъектность, личность, взрослый, дитя, ребенок, выбор.

Abstract. The article presents the basis of the author's concept of Subject Personology. Personology is presented as a science about a person as a subject. The method of reflected personality and multisubjectivity phenomenon are described.

Keywords: personology, subject, multisubjectivity, personality, adult, baby, child, choice.

Мы будем говорить о началах мультисубъектной персонологии, и нам в этой связи предстоит обсудить три вопроса.

Почему речь идет о началах мультисубъектной персонологии? (Это очень простой вопрос, и я на него сразу отвечу: потому что такой науки, на мой взгляд, пока еще нет, она только рождается – хотя предпосылки многообразны и, я бы сказал, неисчислимы, и все они значимы.) Итак, три вопроса:

1. Почему «персонология», а не просто (хотя какая уж тут простота?) «теория личности»?
2. Почему мы говорим о «субъектности»?
3. И, наконец, почему «мульти»?

1. Почему персонология?

Наука личности

Начнем с идеи *общей персонологии*.

Кратко, «общая персонология» может быть определена как *наука личности*. Замечу: не «о» личности, а самой личности. Наука, имеющая своим предметом личность, которая, в свою очередь, располагает этой наукой как своим собственным инструментом. Наука о том, как личностью быть, состояться, а не только о том, «что личность есть». Существует множество ответов на последний вопрос – но среди них должен быть найден тот, который позволит знанию о личности быть инструментом ее собственного развития. Общая персонология – теория работающего психологического знания.

Общая персонология
тестирует себя

По отношению к фундаментальной психологии личности она должна играть ту же роль, что и метаанализ Гравве по отношению к психотерапевтическим системам и технологиям (неожиданная, а в чем-то и обескураживающая по своим выводам экспериментально-психологическая экспертиза эффективности их воздействия на пациентов), в отличие «персонологии» Г. А. Мюррея и всех других ныне существующих теорий личности, общая персонология *тестирует* себя, свою ценность в качестве инструмента практической и духовной жизни людей, источника развития и саморазвития человека; тестирует принципы фундаментальной психологии и, таким образом, «заставляет психологию перестраивать свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой» (подчеркиваем этим высказыванием Л. С. Выготского преимущество «общей психологии» в *его* версии и «общей персонологии»).

Требования
к персонологической
теории

Формулируются следующие требования к фактам персонологической теории: *нетривиальность* (они вышшеаются над точкой зрения «здравого смысла»), *информативность* (они снижают неопределенность представлений аудитории о тех или иных психологических явлениях), *экзистенциальная значимость* (они вызывают живой интерес, ориентируют поведение). Конечно, всего лучше, если факты отвечают всем перечисленным критериям (нетривиальности, информативности, экзистенциальной значимости), но об этом, пожалуй, можно только мечтать как о чуде. Ну, скажем, по аналогии с воскрешением Лазаря (нечто такое, что вышшеается над здравым смыслом, разрешает сомнения, глубоко затрагивает лично каждого). Но если факты и построения персонологии и не столь чудесны, как воскрешение Лазаря, то они, как минимум, должны отвечать хотя бы одному из перечисленных выше условий.

«Параметры» субъективной и объективной ценности фактов общей персонологии могут быть определены эмпирически [1].

Нетривиальность
научного факта

Ограничимся примерами *измерения нетривиальности* научного факта.

Под *нетривиальностью* (*атривиальностью*) научного факта понимается мера несоответствия полученного в исследовании результата предположениям и ожиданиям, исходящим из житейских наблюдений, здравого смысла, традиционных представлений и т.д. Понятие «нетривиальность» операционализируется следующим

образом. Группа экспертов, независимо друг от друга, должна выдвинуть свой прогноз, описывающий исход некоторого эксперимента (условия проведения этого эксперимента известны экспертам в подробностях). Далее должна быть сопоставлена средняя оценка исследуемого параметра, согласно прогнозам экспертов, и средняя его оценка согласно данным проведенного эксперимента. Статистически значимое расхождение между средними $M_{\text{эксп}}$ и $M_{\text{эмп}}$ свидетельствует об атривиальности факта (можно было бы сказать – «феноменальности феномена»), а сближение средних – в пользу его тривиальности.

Совместно с О. В. Митиной [2] мы протестировали «на нетривиальность» знаменитый эффект Б. Ф. Зейгарник (более высокие показатели запоминания – прерванного задания по сравнению с завершенным) и феномен ролевой жестокости Ст. Милгрема. Напомним, что Ст. Милгрем создал ситуацию, в которой «ассистенты» под давлением экспериментатора должны были наказывать своих «учеников» за ошибки в работе электрическим током непереносимой болезненности; испытуемыми были актеры, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Экспериментально был выявлен фантастически высокий процент испытуемых, назначавших «высшую меру» за промахи своих «учеников»: 65%–85% (!).

Задачи независимых экспертов

В нашем исследовании приняло участие 812 человек; из них психологов (дипломированных и студентов старшекурсников) было 231 человек. Задача, поставленная перед испытуемыми («независимыми экспертами»), заключалась в предсказании исходов «некоторых психологических экспериментов». «Экспертам» подробно рассказывали об экспериментальных ситуациях Б. В. Зейгарник и Ст. Милгрема. Имена создателей экспериментальных ситуаций, «Зейгарник» и «Милгрем», при этом не упоминались. Нас интересовало, насколько точны будут «эксперты» в своих прогнозах: догадаются ли они (или хотя бы вспомнят) о том, какое задание – прерванное или завершенное – сохраняется в памяти испытуемых лучше (в эксперимента Б. В. Зейгарник), а также о том, каков был процент людей, проявивших «ролевую жестокость» и насколько они были жестоки (в экспериментах Милгрема)? Нас интересовало также, будут ли отличаться, экспертные оценки психологов и не-психологов.

Проецируемые выводы: субъективная ценность фактов

Прочитую выводы:

«1. Усредненные ответы-прогнозы исходов экспериментов Зейгарник и Милгрема, полученные в подвы-

борке психологов и не-психологов значимо отличаются от средних показателей, полученных в обоих экспериментальных исследованиях; тем самым не только подтверждается нетривиальность феноменов Зейгарник и эффекта Милгрема, согласно принятому критерию, но и оправданность предложенного подхода к измерению нетривиальности научного факта.

2. Обе категории респондентов: психологи и не-психологи – по обоим задачам в большинстве своем дали неправильные ответы.

3. Статистических различий в ответах психологов и не-психологов не выявлено.

4. В то время как нетривиальность феномена Зейгарник и эффекта Милгрема – факт, на наш взгляд, вполне тривиальный (этого и следовало ожидать!), феномен отсутствия различий между экспертными прогнозами психологов и не-психологов относительно исходов названных экспериментов – явление, на наш взгляд, нетривиальное. О том, насколько это действительно так, читатель может судить, сопоставляя собственные прогнозы относительно экспертных прогнозов психологов с реальными данными, полученными в нашем эксперименте. Возникает впечатление, что психологи, несмотря на знание работ Б. Ф. Зейгарник и Ст. Милгрема, в своих ответах забывали об этом и вели себя как “наивные” испытуемые (не-психологи), руководствующиеся обыденными житейскими представлениями».

Приведенные примеры иллюстрируют идею оценки *субъективной ценности* факта (нетривиальность – только один из используемых параметров).

Объективная
ценность факта

Обратимся к некоторым примерам оценки *объективной ценности факта* (это – их действительность, влияние, то есть эффекты, порождаемые психологическим знанием).

«Дилемма узника»

«Дилемма узника»: *новые узы?* Испытуемые в экспериментах Рапопорта дают показания о мере своей виновности и виновности другого в ситуации условного тюремного заключения. Выясняется, что обычно они готовы «подставить» другого, выгораживая себя, и в итоге получают гораздо больший срок, чем тот, который получили бы, будь они альтруистичнее. Данные этих исследований ошеломили публику: оказывается, наше себялюбие и недоверие к другому таково, что мы без зазрения совести готовы действовать себе во вред, – соображения разума не работают...

После опубликования результатов эксперимента были проведены повторные замеры. Вопрос состоит в том, изменилось ли число таких «индивидуалов», действующих вопреки своим интересам, и если изменилось, то в какую сторону? Впрочем, на этот вопрос я, по сути, ответил вначале. Да, изменилось. Их стало *больше!* Недоверие друг к другу выросло, люди стали еще менее разумны, чем были...

«Ролевая жестокость»

«*Ролевая жестокость*». Апелляция к совести. Справедливости ради, должен сказать, что знания, полученные в ходе психологических экспериментов, могут быть и позитивно значимыми. В экспериментах Ст. Милгрема, тем, кто наказывал, раскрывали существо эксперимента, в частности, тот факт, что все было подстроено: актеры показывали, что им больно, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Многие из них горячо осуждали себя, утверждая, что никогда больше не поведут себя так; другие, впрочем, ссылались на требования экспериментатора, не испытывая смущения – они были готовы повторить все сначала во имя науки.

«Сердце подскажет»

«*Сердце подскажет*». Бывают случаи, когда знание об условиях испытания парадоксальным образом не воздействует на человека вообще – хотя, как представляется, могли бы привести к пересмотру позиции. Примером может служить некорректируемость установок людей под влиянием информации, разоблачающей происхождение этих установок. Назовем этот феномен: «Сердце подскажет». В экспериментах Валенса мужчины должны были оценить привлекательность молодых женщин на фотографиях; в то время как они разглядывают фотографии, в наушнике они слышат биение своего сердца; при предъявлении некоторых фотографий оно учащается или замедляется. Выяснилось: мужчины считают более привлекательными те изображения, при предъявлении которых слышно, как ускоряется или замедляется сердцебиение (все, разумеется, подстроено). Самое поразительное: эффект сохранялся, даже если перед окончательной оценкой испытуемым сообщалось об имитации.

Неоднозначность связи между фактами психологии личности и влияниями на личность

Я привожу здесь все эти примеры (и мог бы привести еще многие) для того, чтобы подчеркнуть неоднозначность связи между фактами психологии личности и эффектами влияния этих фактов на личность: усугубление негативных закономерностей («Дилемма узника»), частичная «реабилитация» себя (феномен Милгрема), упорствование в своих предпочтениях (эксперименты Валенса); факты могут стимулировать защитные тен-

Персонологические
перспективы
развивающейся
теории

денции («парадокс Эдипа», о котором пойдет речь дальше). Но, по-видимому, и это еще не все. От большинства фактов, пылящихся, по выражению П. Фресса и Ж. Пиаже, в шкафах лабораторий, людям, по-видимому, «ни жарко ни холодно».

Вот почему мы подчеркиваем: факты и построения персонологии развития должны быть не просто значимы статистически. Они должны быть личностно-значимы: должны обладать субъективной и объективной ценностью для человека.

Общая персонология намеренно ограничивает источники своего воздействия на людей фактами и построениями, существующими в психологии как в науке, отделяя их в той мере, в какой это возможно, от психотехнических мифов, интуитивных догадок, убеждений обыденного сознания, личного опыта, паранаучных воззрений, научных, однако «не-психологических», то есть не ассимилированных психологией как наукой данных (что отличает ее, как часть более общей системы – педагогической антропологии «работающего инструментария» современной практической психологии и психотерапии).

Различные психологические теории и стоящие за ними факты могут быть «протестированы» на предмет адекватности их требованиям общей персонологии. Среди этих теорий – разрабатываемая нами мульти-субъектная теория личности.

Итак, мы будем иметь дело с персонологическими перспективами этой развивающейся теории.

Почему и в каком смысле говорится о субъектности в этом контексте?

2. Почему «субъектность»?

Быть субъектом

Я согласен с теми, кто говорит, что «быть субъектом» – это быть носителем определенной функции. Здесь я поддерживаю В. П. Зинченко. Но только В. П. Зинченко говорит о субъекте как о познавательной функции, вписывая ее в контекст субъект-объектных отношений. Я не ограничиваюсь этой функцией, хотя она важна. Мне импонирует взгляд М. Фуко, который говорит: «Функция-автор». Здесь важно, по-моему, то, что нельзя натурализовать «субъекта», помещая его на ту или иную ступеньку иерархии; например, особь, индивид, личность... и в этом ряду «субъект». Многие, в том числе и я, иногда так поступают. И тогда возникает ситуация, подчеркнутая риторическим вопросом

В. П. Зинченко: «Субъект». «Индивид». «Личность»: нужна ли нам психология «на троих»?

На «троих» – не нужна. Но «на четверых» – пожалуй!

Возможна цепочка:
«индивид» – «я» –
«личность» –
«индивидуальность»

В самом деле, возможна цепочка: «индивид» как психофизическая целостность; «я» как индивид в само-рефлексии (при взгляде со стороны – «Индивидуум»: повезло носителям русского языка; они могут похвастаться себя концовкой этого слова); «личность» (отраженность индивидуума в себе и в других); «индивидуальность» (личность в поисках самости).

«Самопричинность»

Так вот, «субъект» – не пятый элемент в этом ряду; «быть субъектом» – это значит обладать особым свойством. Я говорю об этом свойстве, используя философский термин: “causa sui” («причина себя», «самопричинность»). Субъектность – это самопричинность сущего, способность к самосозиданию, самоподдержанию, саморазвитию. «Я и садовник, я же и цветок». Обобщенно мы говорим о самовоспроизводстве, а поскольку субъект неотделим от условий своего существования, то речь идет о воспроизводстве этих условий; применительно к живым существам – о среде обитания, жизненно значимые элементы которой воспроизводятся.

Признаки субъекта

Я выделяю четыре признака, позволяющих говорить о субъекте, субъектности, как о психологической реальности.

1 – *Целеустремленность*. Субъект – целеустремленное (то есть целеполагающее и целедостигающее существо): иначе ни о каком «воспроизводстве себя и своего окружения» нет и не может быть речи;

2 – *Рефлексия*. Субъект – рефлекслирующее существо. Иное немислимо, так как воспроизводство себя и релевантного окружения подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено. С. Л. Рубинштейн связывал с появлением рефлексии становление человека подлинным субъектом своей жизнедеятельности.

Существенный вклад в развитие этой идеи внесли К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский. Развитие той же идеи мы встречаем в работах нашей коллеги Е. Б. Старовойтенко. Мне думается, что для Семенова как и для многих из нас эта идея С. Л. Рубинштейна также близка как опорная в понимании субъекта. Субъект – рефлекслирующее существо, обладатель образа себя и среды. Воспроизводство осуществляется именно на этой основе.

3 – *Свобода*. Субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не

направляет его и не заключает о том, что все завершилось или должно быть продолжено).

4 – *Субъект – развивающееся существо* (ибо приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой, среде; поскольку воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности условия и способы самовоспроизводства, речь и идет о развитии данного существа)*.

Кто – субъект?

Все это, быть может, звучит хорошо, но ведь вопрос не только в том, кто есть субъект. Вопрос в том, кто – субъект. Помните, у Г. В. Ф. Гегеля: не что есть мыслить абстрактно, а кто мыслит абстрактно?

Мы не станем говорить о том, что такое субъект, а спросим себя о том, *кто есть субъект?* Является ли, например, «индивид» субъектом, или мое «я» – субъектом, или «личность» – субъектом, или «индивидуальность» – субъектом? Сомнение – в каждом пункте.

«Индивид»

Положим, «индивид». Психофизическая целостность. Чувствующее тело и чувствования этого тела. Существует ли такой образ себя у нашего индивида и такой имеющийся у него образ окружения, которые достаточны для воспроизводства? Существует ли некая цель, способная быть универсальным объяснительным принципом его поведения? – Сомнительно! Целевой хаос заинтересованных подсистем создает риск дисгармоний и самое главное невозможности сменить принципы локального управления (в терминах Гельфанда и Цейтлина) на принципы централизованного управления в духе академика И. А. Каирова (в голове может быть только один центр).

«Я»

Далее, «я». Индивид в саморефлексии. Если взглянуть со стороны, то можно говорить об «индивидууме»: рефлексирующий себя индивид. Когда я говорю «я», означает ли это, что я, как свободное существо, контролирую эффекты и последствия своих действий? Сомнительно! Ведь есть различия между поступками и деяниями.

«Личность»

Или, положим, «личность», то есть «я», отражающееся в самом себе и других «я» (быть личностью – значит иметь свое лицо для других и, будучи наедине с собой, «не отступать от лица», это еще обладать личным пространством, включающим в себя свое инобытие в других). Аутентичны ли мы в своих отражениях? Субъектны ли? Сомнительно! «Нам не дано предугадать, чем слово наше отзовется».

* Впервые данное понимание «субъекта» было опубликовано мною в главе 10 «Активность» учебника «Введение в психологию» [3].

«Индивидуальность»

Человек стремится открыть свою причинность по отношению к себе и миру

И, наконец, «индивидуальность» – целостная самотраженность личности. Имеем ли мы внутренне достоверный, истинный образ себя как личности? Сомнительно! Ведь самость – недостижимый предел индивидуации. (Красота индивидуальности, по-видимому, не в том, что личность отразила себя в себе, а в том, что подлинная индивидуальность – это неотразимость личности, – или личность в своей неотразимости (в том таинстве, которая присуще личности, и которая не может быть поймана в силки рефлексии).) Все это, по-видимому, так.

Но все-таки, несмотря ни на что, люди стремятся открыть в себе автора, ощутить свою причастность и причинность по отношению к себе и миру, стремятся обрести и осмыслить свой собственный центр, добиться, как говорят экзистенциалисты, интеллигентности, внутренней прозрачности, данности себе в рефлексии... Это, своего рода, драйв, и его не победишь ощущением невозможности, может быть, только спровоцируешь этим ощущением...

Ну вот, например, как на уровне «я» мы справляемся с этой задачей – обнаружить перед собой свою собственную субъектность?

...Загадка: «Болезнь, от которой умирают все». Разгадка: «Жизнь» (И. М. Фейгенберг). Это саркастическое свидетельство по своей лаконичности уступает знаменитой сентенции: «Жить значит умирать», но последняя все-таки начисто лишена психотерапевтического подтекста, свойственного первой. Приговор, который светская мысль подписывает нам как физическим существам (реализующим свои витальные отношения с миром), отдается эхом и в других сферах бытия человека. Ну, в самом деле: что есть, в сущности, познание мира, как не процесс продвижения человека к «ученому знанию о собственном незнании» (Н. Кузанский)? А какова на поверку созидательная активность людей (три гордых слова!), которой плоды-перевертыши неисчислимы? А мнимая по своим последствиям альтернатива доктрине созидания в виде принципа «недеяния»? То же – и о процессах общения между людьми.

Рожденное в общении иное, чем намерение и побуждение общающихся

То, что рождается в общении, неизбежно иное, чем намерения и побуждения общающихся. Позиция потакания в воспитании, самоотрешенности в любви, низведения себя до роли орудия в партнерском общении и т.п.). А идеальная позиция понимания и приятия? «Любить всех – значит не любить никого», – писал Л. Н. Толстой. Если же от такой вселичной любви обратиться к обычной челове-

Феномен
неуловимости «Я»

ческой любви, например, в супружестве, то окажется, что и в ней моменты неадаптивности (в виде тех или иных форм эмоциональных проблем) заявят о себе со всей определенностью... Сфера самосознания людей не составляет исключения из правила.

Интересная возможность для психологического исследования феномена неуловимости «Я» в рефлексии: любая попытка осознать свое «Я» приводит к трансценденции за пределы исходных переживаний, что, в свою очередь, порождает переживание неполноты самопроявления в рефлексии, чувство того, что «главное» остается за чертой осознания.

Действовать
активно-
неадаптивно

Феномены контрпродуктивности относятся к сущностным, а не к случайным проявлениям жизнедеятельности человека. И мы не можем абстрагироваться от них, обсуждая проблему субъектности.

Каков же выход? В том, чтобы действовать активно-неадаптивно. Здесь есть своя поэзия действия. По Б. Л. Пастернаку – это действие «поверх барьеров». А у В. В. Маяковского есть такое определение: «поэзия вся – езда в незнаемое». У меня, с 1975 года, много строгих определений, и про *надситуативность*, и про *избыточные возможности как побудитель действия*, и про *неадаптивность*, но я сейчас ограничиваюсь только одним. Иногда мы выбираем цели с непредрежденным результатом достижения; причем сама эта непредрежденность побуждает нас к выбору цели. Так бывает, когда мы выбираем *риск бескорыстно*. В надежде испытать себя на краю, ощутить грань своих возможностей.

Проверка
испытываемых
на готовность
к риску

В специально созданной ситуации испытуемые могли выбирать действия, выполнение которых было сопряжено с опасностью физического наказания (звук в наушниках стрессовой силы). Экспериментальная «легенда» состояла в том, что изучается точность экстраполяции движения объекта в тоннеле. Действия в зоне опасности не вознаграждались и не оценивались. Факт существования тенденции к риску. Как и предполагалось, некоторые испытуемые без всякого принуждения или побуждения извне выбирали рискованные действия, причем процент рискующих по группам испытуемых рос на фоне усиления силы наказания за ошибку. «Напрашивающейся» связи между склонностью к подобному «немотивированному» риску и мотивацией достижения не было выявлено. Присутствие окружающих, которые могли, казалось бы, стимулировать повышение смелости испытуемых,

Испытание своего
«я»

приводило лишь к снижению процента рискующих. Полученные факты мы описывали в терминах «риск ради риска» в противовес риску как инструменту решения внешней задачи.

Рискуя, человек испытывает свое «я». Он ощущает свое собственное «я» причиной действия: он сам выбирает, рефлектирует, расширяет поле возможностей, наконец, парадоксальным образом, контролирует последствия своих действий (он знает, на что он идет, и срыв относится к числу осознаваемых, то есть заранее предрешенных последствий действия; он символически предрешает то, что не может быть фактически предрешено заранее). Он отстаивает себя как субъект.

Еще один факт – мы называем его «эффектом Эдипа» (В. А. Петровский, Т. А. Тунгусова).

Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог, он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы – и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника, им предъявляется параллельная форма опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый дает на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе – под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их оценок компетентный психолог.

Несчастье – когда
тебя раскусили

Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежевываться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости, у них повышаются показатели интраверсии (словом, «счастье – когда тебя понимают», но «несчастье – когда тебя раскусили...»). Перед нами аналог известного в философии «парадокса Эдипа», заключающегося в том, что прогноз оказывает влияние на прогнозируемые события. В данном случае человек не хочет подчиняться прогнозу, он отстаивает свою самость: он сам себе мера, он никому не позволит думать иначе... Таким образом, проявляя защитные тенденции, испытуемые обнаруживают тенденцию опровергать чужие прогнозы, затрагивающие их лично, даже если они соответствуют истине.

В фактах активно-неадаптивного выхода человека за пределы изведенного и заданного проявляется, как мы полагаем, собственно субъектность, тенденция человека действовать в направлении самоиспытания

ния, оценки себя как носителя свободной причинности» («причины себя»)*.

Отраженность «я»

Ну а личность? Отраженность «я» в себе и в других «я»? Здесь возможны удивительные совпадения и несовпадения отражаемого и отраженного. Именно в этом пункте мы переходим к вопросу о том, почему и в каком смысле используется слово «мульти».

3. Почему «мульти»?

Я расскажу о некоторых наших исследованиях методом, который я назвал «методом отраженной субъектности». Это метод бесконтактного исследования личности.

Инобытие человека в человеке

Я, по сути, расширяю класс традиционных представлений о личности, сосредоточенных на индивидууме; я существую в другом и другие существуют во мне; мы действуем друг через друга. В этом феномен личностности – инобытия человека в человеке. Но здесь и момент мультисубъектности. И. Г. Фихте говорил «яйность», а здесь перед нами множественность «я». Не слишком благозвучное слово «яйность».

Единомножие «я»

Надеюсь, мы умеем мыслить контекстуально конкретно, и не станем окрашивать идею личности ассоциациями на это слово. Зато есть замечательное русское слово «единомножие». Речь могла бы идти о единомножии «я». Если вернуться к слову «субъект», то речь идет о мультисубъектности.

Мы представляем собой единомножие «я». Если на время отвлечься от живущих в нас других, то даже в этом случае, каждый – носитель множества «я-позиций». И они вряд ли могут быть выстроены по типу «выше–ниже». Еще раз вспомним афоризм В. П. Зинченко: «Психика – не административное заведение». Вот лозунг, который я сконструировал для иллюстрации своей мысли: «Берегите птиц! Источник вкусной и здоровой пищи!»

Если личность – это все то, что лично, все то, что человек считает своим, а У. Джеймс в территорию «я» включал не только тело, но и счет в банке, не только счет в банке, но и социальное «я» (каков я в глазах другого), то понятно, насколько богато «единомножие «Я».

Сам У. Джеймс говорил о множественном «я», и не считал это патологией.

* Согласимся: разница между приписыванием себе причинности (атрибуция субъектности) и проявлением себя как причины, что непосредственно переживается субъектом в момент действия. Было бы интересно различить и сопоставить экспериментально два класса этих явлений.

Идея
мультисубъектности
личности

Но вернемся к живущим во мне субъектам.

Я думаю, А. Н. Леонтьев, говоря о полимотивированности деятельности, забрасывал вперед, в будущее, идею мультисубъектности личности. И этот «заброс» в будущее имел «замах» в прошлом – в работах Л. С. Выготского, с его идеей интериоризации «субъект-субъектных» отношений. С. Л. Рубинштейн, мне кажется, был близок к этому взгляду, когда говорил, что «каждое «я», поскольку оно есть и всеобщность «я», есть «республика субъектов».

Личность
представлена
множеством «я»

Личность представлена множеством субъектов (множеством «я»), в которых обнаруживает свое бытие индивид. И они, эти субъекты, вряд ли могут быть поняты как покорные исполнители воли некой высшей инстанции, «верховного субъекта» или «монарха». Ведь республика есть республика, и если какой-нибудь республиканец попытается узурпировать власть, ему будет сделать это непросто.

Я мог бы назвать ряд направлений в психологии и психологических системах, в которых личность рассматривается как содержащая в себе множество субъектов и через них понимаемая. Фрейдовские интроекты, архетипы К. Г. Юнга, фигурки сна Минделла, различные «я» Ассаджиоли, наконец, федерновские, а далее берновские эго-состояния, такие как «Родитель, Взрослый, Дитя», множественные идентификации-«идентичности».

Суть несовпадений
разных «я»

Среди всех авторов-психотерапевтов, понимавших суть несовпадения разных «я» и непредставимости индивидуальности как формы существования «Верховного «я»» мне ближе всего Э. Берн. Я уже писал о том, что Э. Берн – это Л. С. Выготский современной психотерапии, создатель – как он сам называл, социальной психиатрии, рассматривающей психику как поле брани интериоризированных значимых других (сам он, впрочем, не использовал таких слов).

«Мое Я» и «Мое Ты»

Берновская модель позволяет по-новому взглянуть на классические сюжеты диалогичности сознания, оставленные нам в наследство М. М. Бахтиным, раскрыть психологическое своеобразие взаимоотношений между такими полюсами сознания, которые я называю «Мое Я» и «Мое Ты» (у Ф. Д. Горбова: Я – ВТОРОЕ Я). Фактически, мы признаем и можем почувствовать существование «Моего Ты», когда спорим с собой, приказываем себе, убеждаем себя, «отпускаем» себя, хвалим себя, успокаиваем себя. «Возьмите себя в руки» – сказали ему; и он взял себя в руки, при-

жал к груди и отнес в тихое место. Нечто подобное я прочитал некогда у одного писателя. Оставим это в качестве метафоры для «Моего Ты».

Различение и соотнесение конструкторов «Мое Я» – «Мое Ты» послужило основой для проведения ряда экспериментов, проясняющих трактовку личности как «единомножия» взаимодействующих субъектов.

«Взрослый»,
«Родитель», «Дитя»

В исследовании М. В. Анисимовой фиксировались внутренние диалоги испытуемого в момент решения интеллектуальных задач: «Мое Я» – «Мое Ты». При различении во внутреннем диалоге, во всех этих самообращениях и ответах самому себе, определении эгосостояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя» выяснилось, что нахождение ответа на вопрос задачи подразумевает Взросло-Взрослую внутреннюю коммуникацию. При этом Родительски-Детские внутренние транзакции не содействуют решению.

В недавних исследованиях удалось показать, что понятие самооценки личности расщепляется минимум на три: «самооценка Взрослого», «самооценка Родителя» и «самооценка Дитяти», причем эти самооценки статистически независимы друг от друга.

Человек перед лицом
выбора

Эти и многие другие данные, полученные в русле мультисубъектного подхода, содействуют преодолению мифа (или, точнее, некоего скрытого постулата) изначальной «моносубъектности» личности. Между тем, именно он лежит в основе большего числа исследований, в которых мы застаем человека перед лицом выбора (я имею в виду как психологические, так и социологические исследования).

Мультисубъектные
выборы

Выбор, как правило, имеет под собой мультисубъектную основу, особенно если речь идет о выборах важных, судьбоносных, я называю их экзистенциальными выборами. Наш тезис состоит в том, что экзистенциальные выборы – мультисубъектны.

Отталкиваясь от транзактной модели личности, мы с коллегами (Ж. В. Пыжиковой и М. К. Худышевой) предлагали испытуемым проранжировать 16 жизненных ценностей – оппозиций в одном случае Дитяти (мечты, сокровенные желания), во втором – Родителя (голос долга), в третьем – Взрослого (разумный взгляд, то, что человек сам считает для себя необходимым делать). Выяснилось, что процент значимых корреляций между выборами с позиций трех инстанций эгосостояний «Дитя», «Родитель», «Взрослый», – минимален. Чаще встречаются значимые корреляции между

двумя инстанциями (Родитель – Дитя; Родитель – Взрослый, Взрослый – Дитя), но еще чаще отсутствие корреляций между инстанциями: ортогональность предпочтений. Подобная ситуация напоминает хрестоматийный триумвират таких «субъектов», как Лебедь, Рак да Щука. Следовательно, правомерен вопрос: «Если я выбираю, то кто во мне выбирает?»

Я оставляю в стороне свои работы последних лет, посвященные разработке мультисубъектной математической модели состоятельности человека перед лицом выбора. В этой модели, инспирированной разработками В. А. Лефевра и Т. А. Таран, инстанции «Взрослый», «Родитель», «Дитя», соотносятся посредством особого математического оператора – я назвал его «метаимпликацией». Он позволяет соотносить запросы и ресурсы личности и предсказывать меру благополучия при известном соотношении между ними. Так, выясняется, например, для того, чтобы достигать желаемого, соотношение между запросами и ресурсами должно подчиняться «золотой пропорции»: 62% – запрос, 38% – ресурс. Получены интересные результаты, позволяющие предсказывать уровень избираемой трудности задачи в условиях свободного выбора, прогнозировать интенции, предчувствия при решении задачи по вкусу, определять, какие из ценностей человек хотел бы реализовывать в первую очередь, во вторую и т. д., хотя, может быть, и не вполне осознает это.

Итак, триумвират субъектов.

Э. Берн: «Деление натрое должно быть *буквальным*, как если бы в каждом пациенте присутствовали *три разных личности*». «Вмешательство терапевта будет идеальным тогда, когда оно попадет в цель, то есть имеет смысл и приемлемо для всех трех аспектов личности пациента, поскольку *все они слышат* то, что говорится». Или: «Не Взрослый говорит о Ребенке, а сам Ребенок», «ситуация в точности такая же, как если бы в комнате с терапевтом находились еще два человека: взрослый, который наблюдает, и патологический ребенок; правда, физически они неразделимы. Задача состоит в том, чтобы разделить их в психологическом плане, чтобы Ребенок мог говорить *сам за себя* (для простоты изложения мы не говорим пока о третьем *партнере* – Родителе)». Или: «...Терапевту следует задаться вопросом: почему пациент позволяет себя разоблачать? Может быть, это его Родитель предает Ребенка? Или Взрослый уговаривает Ребенка рассе-

Триумвират
субъектов

Мульти субъектность
в трактовке
личности –
неизбежность

Функция автора
(писателя) в
расщеплении «я»

кретиться? Или это Ребенок продолжает свою игру с целью «спасти лицо», хотя и упрощает ее для терапевта, надеясь, что его спасут, подобно тому, как мальчуган попискивает из своего укрытия во время игры в прятки, помогая себя обнаружить?»

Мульти субъектность в трактовке личности как субъекта – не прихоть, а неизбежность. Любая попытка «поймать» причину себя, позицию автора производимого в процессах расширенного воспроизводства, приводит нас к единомножию «я», системе взаимосвязанных субъектов активности, каждый из которых сам в свою очередь представляет собой такую систему и т.д.

М. Фуко приписывали роль могильщика субъекта, а он активно возражал против этого: «Было бы равным образом неверно искать автора как в направлении реального писателя, так и в направлении этого фиктивного говорящего; функция-автор осуществляется в самом расщеплении, – в этом разделении и в этой дистанции».

«Скажут, быть может, что это – особенность исключительно художественного, прозаического или поэтического дискурса: игра, в которую вовлечены лишь эти “квазидискурсы”. На самом деле все дискурсы, наделенные функцией-автор, содержат эту множественность Эго. Эго, которое говорит в предисловии математического трактата и которое указывает на обстоятельства его написания, не тождественно – ни по своей позиции, ни по своему функционированию – тому Эго, которое говорит в ходе доказательства и которое появляется в форме некоего “я заключаю” или “я предполагаю”; в одном случае “я” отсылает к некоторому незаместимому индивиду – такому, который в определенном месте и в определенное время выполнил некоторую работу; во втором – “я” обозначает план и момент доказательства, занять которые может любой индивид, лишь бы только он принял ту же систему символов, ту же игру аксиом, ту же совокупность предварительных доказательств. Но в том же самом трактате можно было бы также засечь и третье Эго – то, которое говорит, чтобы сказать о смысле работы, о встреченных препятствиях, о полученных результатах и о стоящих еще проблемах; это Эго располагается в поле математических дискурсов – уже существующих или тех, что только должны еще появиться. Функция-автор обеспечивается не одним Эго (первым) в ущерб двум другим, которые при этом выступали бы лишь в качестве его фиктивных удвоений. Напротив, следует сказать, что в подобных дискурсах функция-автор

Сдвиги в
самоощущениях –
феномен
мультисубъектности

действует таким образом, что она дает место распределению всех этих трех симультанных Эго».

В контексте будущей мультисубъектной персонологии отметим в качестве существенного совершенно неожиданный для людей масштаб личностного влияния на них значимых других, глубины изменений, привносимых «отраженным субъектом». Испытуемые (консультируемые) открывают для себя существование ранее неосознаваемых и как бы неощущаемых ими влияний со стороны далеких и близких людей и таким образом приобретают ориентиры необходимых изменений во взаимоотношениях с ними.

В частности, наблюдаются поразительные и поражающие самих испытуемых сдвиги в их самоощущениях и особенностях поведения под влиянием значимого другого в условиях использования транзактных техник оценки динамики эго-структуры личности (в условиях воображаемого взаимодействия личности с представителями социального окружения нередко инвертируется картина выраженности эго-состояний «Родитель», «Взрослый», «Дитя» в эго-структуре). Эти изменения позволяют участникам испытания увидеть близких своих и свои взаимоотношения с ними под новым углом зрения. Порою и сам экспериментатор бывает застигнут врасплох озарениями своих испытуемых («Я только сейчас поняла, насколько закрыт этот человек, насколько он отчужден и холоден... Он бесчувствен со мной... Я только сейчас поняла, насколько он для меня дорог и значим...»).

Мультисубъектная
персонология на
острие научной
мысли

Возвращаясь к мультисубъектной персонологии в целом, я хотел бы подчеркнуть, что она сама – субъектна; она – на острие движения *научной* мысли и мысли *тех*, кого консультирует персонолог; а сам персонолог (со своими идеями, технологиями, знаниями, моделями, опытом жизни и опытом консультирования) – один из тех, чья отраженная субъектность вовлекается в круг «единомножия» «Я» консультируемого.

Проблемное поле
персонологии

В заключение, я очерчу проблемное поле персонологии и некоторые принципы его «пропашки»:

- пространство человеческой жизни – «целевой хаос»; предустановленной гармонии не существует; гармония – результат развития;
- неадаптивность (выбор непредрежденного, готовность принять «вызов») – естественное состояние человека; «бытие на границе» – условие отчетливости и ясности переживания своего «Я» как средоточия активности и самопричинности;

- реализация техник персонологического анализа позволяет личности осознать меру представленности (присутствия) в ней самой бытия других субъектов, вступить в диалог с ними, расщепляя «мое Я», «мое Ты», «Я другого во мне», «Я в другом и для другого»; персонолог – один из воплощенных и воплощающих в себе субъектов, часть «единомножия Я» консультируемого;
- привносимые персонологом психологические знания индирективны; будучи «психологическим орудием» динамизации жизни и роста, они расширяют круг степеней свободы личности, содействуют прояснению взаимоотношений между образующими ее субъектами; удовлетворяя потребность личности в социальном сравнении, они задают «точку отсчета», позволяющую человеку осознать собственную уникальность, неповторимость;
- «законы» человеческого поведения распространяются на тех, кто о них не догадывается.

1. *Петровский В. А.* Научное знание сквозь призму обыденного (три ответа на вопрос «ну и что?») // Модели мира. – М., 1966.

2. *Митина О. В., Петровский В. А.* Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов // Мир психологии. – 2001. – № 3.

3. *Петровский В. А.* Введение в психологию / Под общей редакцией проф. А. В. Петровского. – М., 1996.
